

Глава 12

Навыки, позволяющие написать вполне читаемую книгу

“Двойная спираль” — книга о том, как мы с Фрэнсисом открыли структуру ДНК, — была опубликована в феврале 1968 года, через пятнадцать лет после этого открытия. Я давно решил, что стоит рассказать широкой публике о многих неожиданных поворотах этой истории, но мысль о том, как их изложить, пришла в голову только весной 1962 года на банкете в Нью-Йорке. Это был банкет в честь награждения Фрэнсиса и меня премией Исследовательской корпорации. Фрэнсис не мог на нем присутствовать, потому что был в то время в Сиэтле, где читал давно запланированные публичные лекции в Вашингтонском университете. Эбби Рокфеллер пригласила меня переночевать в доме ее родителей, где я имел возможность полюбоваться на принадлежавшую ее отцу большую картину вида на Темзу в фовистском стиле работы Дерена, а также увидеть семейную коллекцию фарфора, которую оценил в меньшей степени. Я прошел от Восточной Шестьдесят пятой улицы до отеля Ambassador на Парк-авеню, где в то время проходило много торжественных мероприятий подобного рода. Я сидел на почетном месте рядом за Жаком Барзэном, знатоком литературы из Колумбийского университета, знакомым мне с юных лет по радиопередачам на *CBS*.

Разговор с Барзеном вдохновил меня, и я воспользовался предоставленным мне после банкета словом, чтобы рассказать историю нашего открытия как подлинную драму, в которой также участвовали Морис Уилкинс, Розалинда Франклин, Эрвин Чаргафф и Лайнус Полинг. Моя неожиданно откровенная речь вызвала немало смеха, и ее впоследствии хвалили за то, что она дала слушателям возможность почувствовать себя участниками одного из больших событий в истории науки. Возвращаясь в дом Рокфеллеров по Лексингтон-авеню в приподнятом настроении, я понял, что напишу свою будущую книгу в жанре, который Трумэн Капоте позже назвал “документальным романом”. Но поскольку я должен был тут же вернуться в Англию, где проводил небольшой академический отпуск в кембриджском Колледже Черчилля, я понимал, что не смогу начать писать, пока не вернусь в Гарвард.

В Лондоне я поначалу надеялся, что смогу использовать свою половину премии Исследовательской корпорации, чтобы заказать Фрэнсису Бэкону портрет Фрэнсиса Крика. Некоторое время назад я видел один из небольших портретов работы Бэкона в Женеве, и он надолго остался в моей памяти. Но в галерее Marlborough мне сообщили, что ирландец Бэкон пишет портреты только близких знакомых. Того факта, что Фрэнсис и Одилия видели художника прошлым летом в Танжере, было недостаточно. Через час я вышел на Альбемарл-стрит, став довольным обладателем девяти копий бронзовой “Головы воина” работы Генри Мура.

Первая глава книги, получившей название “Двойная спираль”, была написана в доме Альберта и Марты Сент-Джёрди на полуострове Кейп-Код. Лето подходило к концу, и моя летняя лаборантка из Рэдклиффа Пэт Коллиндж собиралась присоединиться к своему молодому человеку из Гарварда, Джейку, работавшему над романом в дальней части полуострова. Еще в начале лета голубые глаза Пэт и ее наряд озорного ребенка убедили меня, что она послужит идеальной музой, чтобы я мог без заметных усилий набросать первые страницы

Синтия Джонсон и я в Рэдклифф-Ярде.

Эбби Рокфеллер.

Уолли Гилберт и я верхом на носороге перед гарвардскими Биолобораториями вместе с Барбарой Риддл и голубоглазой Пэт Коллиндж.

моей повести о ДНК. По счастью, она согласилась, чтобы я довез ее до Кейп-Кода в своем открытом MG TF, и приняла предложение поработать одно утро моей машинисткой в Вудс-Хоул, прежде чем ехать дальше в Уэллфлит. Но в течение нескольких часов я был в творческом тупике, пока ко мне не пришли первые слова: “Я никогда не видел, чтобы Фрэнсис Крик держался скромно”. Больше половины первой главы было напечатано, когда явился Джейк, и я остался в грустных раздумьях о том, как мне закончить оставшуюся часть главы без голубых глаз Пэт, служивших мне источником вдохновения. Это было совсем не просто, и только по возвращении в Гарвард я закончил последние абзацы, после чего моя секретарша напечатала полный текст первой главы.

Осенние события, связанные с моей Нобелевской премией, словно сговорились с делами учебного года, чтобы не дать мне больше ничего написать до следующего лета. В то лето я как-то заметил прелестную студентку последнего курса Рэдклиффа Синтию Джонсон, обедавшую под большим вязом перед зданием Биологических лабораторий. С ней был самый красивый из старших преподавателей нашего отделения, Джон Даулинг, под руководством которого она выполняла летом исследовательскую работу в лаборатории зрения Джорджа Уолда. На следующий день я присоединился к ним за обедом, а вскоре уже играл с Синтией в теннис на рэдклиффских кортах. Очень скоро мне пришлось узнать, что у нее есть постоянный молодой человек, Малькольм Маккей, который только что закончил колледж в Принстоне и находится в Европе, откуда собирается вернуться осенью, чтобы учиться в Гарвардской школе права. Однако до этого времени мы с Синтией не раз совершали однодневные путешествия, одно из них — в Нахант на пляж, где я, к своему ужасу, впервые заметил, что переедание на банкетах наградило меня небольшим брюшком — а ведь раньше у меня никогда не было жира в области брюшной стенки! Я провел несколько выходных в гостях у семьи Синтии в Эдгартауне на острове Мартас-Винъярд, где узнал

не только о том, что ее мать, художница, рисовала портреты герцога и герцогини Виндзорских, но и о том, что ее бабушка была близкой подругой Эмили Пост, чья книга об этикете ускорила упадок влияния протестантской англосаксонской аристократии в Америке. Полагая, что, будучи не только лауреатом, но и писателем, я мог бы создать достаточно романтический образ, чтобы вытеснить Малькольма из сердца Синтии, я провел последние две недели августа за написанием еще двух глав. Но когда наступила осень и Синтия привела Малькольма ко мне домой для одобрения, я понял, что не смогу соперничать с его парусными лодками.

В ту пору все мое свободное время было занято написанием шести коротких глав о репликации биологических молекул для книжки, которая должна была выйти к январю, когда у меня были запланированы лекции для одаренных австралийских старшеклассников. В предыдущем году Джордж Гамов уже читал лекции в этой летней школе в Сиднее и всячески рекомендовал мне ее как предлог для того, чтобы провести январь под теплым южным солнцем. Я тоже стремился избежать обычного для Восточного побережья уныния рождественско-новогодних каникул и поэтому смирился с необходимостью подготовить упрощенную версию моих лекций по углубленному курсу биологии.

В один душный августовский вечер, сидя за простым деревянным столом в своей квартире на Эппиан-Уэй, я написал: «Очень легко считать человека уникальным среди живых организмов. Великие цивилизации так преобразовывали и изменяли окружающую среду на нашей планете, как и не снилось ни одной другой форме жизни. Поэтому у людей всегда была склонность считать, что нечто особенное отличает человека от всего остального в этом мире. Эти представления часто находят выражение в человеческих религиях, которые пытаются сообщить нам об истоках нашего существования и так дать нам правила, которыми мы могли бы пользоваться в ходе своей жизни. Естественно было считать, что как всякая челове-

ская жизнь начинается в определенное время, так же и человек не всегда существовал, но был некогда создан, быть может одновременно со всеми другими формами жизни. Однако всего сто с небольшим лет назад эти представления были впервые всерьез подвергнуты сомнению, когда Дарвин и Уоллес выдвинули свою теорию эволюции, основанную на отборе наиболее приспособленных”.

Остаток этой вводной главы мне удалось без труда написать за следующие несколько дней, что давало уверенность: остальные пять глав удастся подготовить к концу октября. В этом случае книжка была бы уже готова к началу австралийской летней школы. Но срочные задания Президентского комитета научных консультантов позволили мне отослать только три главы (“Введение”, “Живая клетка с точки зрения химика” и “Концепция молекулярных матриц”). Позже смерть Джона Кеннеди в Далласе и инсульт у моего отца не дали мне записать оставшиеся три лекции. К моему облегчению, одна сторона тела у моего отца оказалась парализованной не полностью, и к тому времени, когда я отвез его в Вашингтон, чтобы он провел зиму у моей сестры, он уже мог, опираясь на трость, доходить до Гарвард-сквер и обратно.

Несмотря на непродолжительную остановку на Фиджи, я выглядел и чувствовал себя измученным, когда прибыл в Сидней вскоре после Нового года. Из-за короткой темной бородки, которую я отпустил в сентябре, когда читал лекции в Равелло, в сиднейской газете про меня было написано, что я “погружен в себя и похож на Мефистофеля” и “такой же интроверт, какой пригласивший его физик Гарри Мессел — экстраверт”. Далее статья сообщала, что меня трудно развеселить. У этого и правда была причина — несколько званых ужинов, устроенных ради меня пожилыми профессорами, не были украшены ни одним симпатичным женским лицом. В отчаянии я предложил провести один вечер в ночном клубе, но там оказалось, что в пуританском Сиднее танцовщицы полностью одеты.

Моя жизнь резко улучшилась, когда репортер из Mirror познакомил меня с художественной средой пригорода Пэддингтон, где тон задавал молодой художник и критик Роберт Хьюз. В галерее Rudy Komon я купил большую картину в голубых тонах “Женщина из Кингс-Кросс” работы бывшего боксера Роберта Дикерсона и напоминающую картины де Кунинга женщину с зеленым лицом работы столь же талантливого Джона Мольвига. Затем мы зашли в галерею Kellma, где я приобрел деревянную фигуру человека в натуральную величину, вырезанную аборигенами с реки Сепик в Папуа — Новой Гвинее. Его раскрашенное лицо, вызывающее в памяти работы Дюбюффе, позже заняло место напротив моего стола в Биолобораториях. Мое настроение наконец замечательным образом улучшилось, и я надеялся провести еще один день в блужданиях по галереям, но Хьюз отказался, и я заподозрил, что женщины его не привлекают, в чем впоследствии имел немало случаев разувериться.

Из правого угла кабинета за моей работой наблюдает деревянная скульптура с реки Сепик, купленная вскоре после того, как я получил Нобелевскую премию.

Еще до возвращения в Гарвард я стал опасаться, что мои лекции и их письменные версии подходят скорее для колледжа, чем для средней школы, и аудитория в них не разберется. Я решил, что три завершенные мной главы лучше подошли бы в качестве начала небольшого учебника для колледжей о том, как ДНК обеспечивает хранение и передачу информации, позволяющей клеткам существовать. Я случайно встретился в ресторане Wursthaus на Гарвард-сквер с молекулярным биологом из Массачусетского технологического Сайрусом Левинталем, который порекомендовал мне новое издательство естественнонаучной учебной литературы *W. A. Benjamin*. Эта компания стремилась расширить свою область деятельности, первоначально ограниченную физикой и химией, включив в нее также биохимию и молекулярную биологию. Меньше чем через неделю главный редактор издательства, молодой канадец Нил Паттерсон, посетил меня в моем кабинете, чтобы принять в ряды бенджаминовских авторов, в число которых им был ранее принят “суперфизик” Мюррей Гелл-Манн.

Вскоре после этого я оказался в неопрятных помещениях издательства *W. A. Benjamin* в Нью-Йорке, расположенных над кегельбаном на Верхнем Бродвее. Мое неблагоприятное впечатление немного ослабло, когда мне сказали, что издательство скоро переедет на Парк-авеню 2 в помещения под Центральным вокзалом. Мне нравился подход Нила Паттерсона к поиску авторов среди молодых способных ученых, и я подписал контракт с авансом в 1000 долларов за книгу объемом 125 страниц, которую нужно было завершить к концу года. Кроме того, мне предоставили возможность приобрести пять тысяч акций издательства — похоже, были основания надеяться, что их возрастет стоимость, когда развернется выпуск новых книг. К тому времени я уже дал своей будущей книге название “Молекулярная биология гена”. Поначалу меня привлекала мысль назвать ее “Вот что такое жизнь”, как бы отвечая на название книги Эрвина Шрёдингера “Что такое

жизнь?”. Однако, поразмыслив, я решил, что тем самым обещал бы больше, чем мог дать.

Работая над новыми главами, я выделял жирным шрифтом предложения, резюмирующие основную идею последующих абзацев (например, “Молекулы соединяются избирательно”, “Ферменты не могут определять последовательность аминокислот в белке”, “В основе матричного синтеза лежит работа слабых связей на коротких расстояниях”). Мне пришла в голову мысль делать такие “концептуальные заголовки”, когда я, еще до поездки в Австралию, работал над главой “Живая клетка с точки зрения химика”. Они естественным образом возникали из тезисов, составлявших подготовленный мною план, расписывающий, о чем должна идти речь в каждой главе. Почти сразу я понял, что мои австралийские главы нужно расширить, и стал придумывать яркие концептуальные заголовки, такие как “Двадцать пять лет одиночества белкового кристаллографа”.

Не менее важную роль в том, что из “Молекулярной биологии гена” в итоге получилась вполне читаемая книга, сыграли иллюстрации, которые подготовил юный Кит Робертс, готовившийся начать свое обучение в университете. В начале 1964 года Кит приехал из Англии и устроился на временную работу лаборантом, а затем изучал в Кембридже ботанику. После того как я однажды спросил его мнения о черновых вариантах моих первых глав, он рассказал, что сначала собирался учиться искусству, а не науке, и вызвался сделать необходимые иллюстрации. По мере того как моя рукопись постепенно разрасталась, Кит работал над иллюстрациями целые дни и продолжал рисовать для меня и после того, как у него начались занятия первого курса.

В то время в издательстве Benjamin применяли двуцветную печать и пользовались услугами профессиональных художников. Большой удачей для меня было то, что преобразовать художественные идеи Кита в законченные иллюстрации мне помог нью-йоркский художник Билл Прокус. У Билла

была тогда мастерская на Двадцать третьей улице в Челси, где он писал картины и работал над иллюстрациями для издательства Benjamin. Чтобы ускорить работу Билла, я стал регулярно приезжать в Нью-Йорк и останавливаться в отеле Plaza, где номера, не выходявшие окнами на улицу, никогда не стоили больше 20 долларов. Несмотря на это, Боб Ворт, наследник сталелитейного капитала, работавший финдиректором издательства, велел мне прекратить эти визиты, после того как прочитал неодобрительный отзыв о моей рукописи, тогда уже почти законченной. Нил Паттерсон посылал ее цитологу Бобу Аллену в Дартмут, и тот нашел ее неподходящей для своих студентов. К счастью, Паттерсон был главнее, чем Ворт, и мне не пришлось останавливаться в сомнительных достоинств гостинице Chelsea, расположенной напротив мастерской Билла Прокуса.

Все мои черновые варианты глав сильно улучшились благодаря редакции, сделанной студенткой последнего курса Рэдклиффа Долли Гартер. На первом курсе она прошла общеобразовательный курс биологии Джорджа Уолда и поэтому была знакома с ДНК-центрическим образом мышления. Большим плюсом было то, что она специализировалась на английском и интересовалась литературным трудом. Ей удалось сделать мой напыщенный стиль более ясным. Я поставил перед собой задачу довести главы до такого вида, чтобы Долли понимала в них все, не прибегая к иллюстрациям Кита, которые часто были еще не готовы. Я исходил из того, что если один только текст будет позволять Долли во всем разобраться, то у менее способных студентов не возникнет трудностей, когда мои тезисы будут снабжены подходящими иллюстрациями. Долли работала всю осень 1964 года, редактируя главы по мере их написания. К тому времени я расширил круг тем, охваченных “Молекулярной биологией генов”, добавив главы “Важность слабых химических взаимодействий” и “Сопряженные реакции и реакции переноса групп” для студентов-биологов с более слабой подготовкой по химии. Как и многие

более поздние главы, они постоянно требовали переработки, чтобы не отставать от последних научных достижений. Бесчисленная правка, внесенная в первоначальные гранки, привела к тому, что большую часть “Молекулярной биологии гена” пришлось полностью набирать заново. Даже в постраничную корректуру я внес намного больше изменений, чем хотели мои издатели, и они пригрозили вычестить из моего гонорара связанные с этим расходы. Но в результате они этого так и не сделали, осознав итоговую ценность абсолютно современной книги.

Тоненькая и хрупкая Долли, уроженка Бруклина, входила в круг людей, связанных с гарвардским литературным журналом *The Advocate*, и я попросил ее прочитать первые главы моих воспоминаний об открытии двойной спирали. Первоначальное название книги было “Честный Джим” — в связи с тем, что незадолго до того Альфред Тиссьер напомнил мне, что Уилли Сидс, сотрудничавший с Морисом Уилкинсом, язвительно назвал меня “честный Джим”, когда в августе 1955 года случайно встретился со мной и Альфредом на горной тропе в Альпах. Теперь я хотел использовать название “Честный Джим”, чтобы прямо заявить свою позицию по спорному вопросу, по поводу которого и язвил Сидс, — вопросу о том, имело ли место со стороны моей и Фрэнсиса недопустимое использование конфиденциальных данных Королевского колледжа в нашей работе над структурой ДНК. Я вспомнил в связи с этим, как Джозеф Конрад использовал название “Лорд Джим”, чтобы тем самым сразу показать характер своего героя.

Ободренный восторгом Долли от первых глав “Честного Джима”, я решил вернуться к работе над этой книгой, как только закончу принципиальную доработку “Молекулярной биологии гена”. К июню, когда Долли закончила колледж вместе со своим молодым человеком, студентом-математиком и тоже уроженцем Бруклина, по имени Дэнни, Долли прочитала уже половину “Честного Джима”. Она написала мне из

Принстона, где теперь работала в издательстве *Van Nostrand*, что гарвардский *Advocate* хотел бы опубликовать первые главы моей книги. Хотя, по ее мнению, жизнь ученого неизбежно скучна, Долли находила, что читателям журнала пойдет на пользу возможность прочесть о моих увлекательных экспериментах.

В то время я надеялся, что “Честного Джима” опубликует издательство *Houghton Mufflin*. В один майский вечер предыдущего года я съездил в Беверли, чтобы посетить изысканный деревянный дом, где жила Дороти де Сантильяна, старший редактор этого издательства, муж которой, Джорджио, был специалистом по истории науки. Мы уже встречались с Дороти благодаря ее младшей родственнице, выпускнице Рэдклиффа Элле Кларк. За ужином у меня была приятная возможность поговорить с Дачией Мараини, женой писателя Альберто Моравиа, которая была его намного моложе и сама только что опубликовала роман, полный эротики. Перед отъездом я вручил Дороти несколько ранних глав “Честного Джима”. Вскоре она написала мне краткое лестное письмо, в котором говорила, что когда моя рукопись будет готова, мне стоит предложить ее издательству *Houghton Mufflin*.

Когда закончился весенний семестр 1965 года, я полетел в Германию, где должен был прочитать три лекции. Первая из них была в Мюнхене, где я разделил с биохимиком Феодором Линеном своего первого молочного поросенка в большом пивном ресторане. Линен, в то время крупнейший биохимик своей страны, не реже двух раз в год ездил в Штаты, чтобы быть в курсе последних достижений ферментологии. В конце того года ему предстояло вместе с моим гарвардским коллегой Конрадом Блохом получить Нобелевскую премию по физиологии и медицине за открытие механизма синтеза холестерина в клетках. Затем я поехал на север, вначале в Вюрцбург, а затем в Гёттинген, где химик Манфред Эйген изучал скорость химических реакций, за что через три года тоже получил Нобелевскую премию. Манфред был всего на год старше меня

и с детским восторгом увлекался множеством не связанных с химией занятий, особенно игрой на фортепиано. У себя дома он собрал небольшой камерный оркестр, в сопровождении которого проворно сыграл концерт Моцарта, лишь изредка допуская ошибки.

Главной целью моей поездки в Европу была намеченная на июнь конференция по теме “Принципы организации биологических молекул” в здании компании Ciba. Эта конференция была по сути продолжением другой, по теме “Природа вирусов”, состоявшейся там же девятью годами раньше. Перед самой конференцией Джон Десмонд Бернал, глава Биркбек-колледжа, в который перешла из Королевского колледжа Розалинда Франклин, перенес слабый инсульт, из-за которого его вступительную речь было больно слушать тем, кто был с ним давно знаком и называл Мудрецом. Но ничто не свидетельствовало о болезни в его последующей публикации, в которой он утверждал, что жизнь представляет собой не какую-то метафизическую сущность, а систему с четко организованной структурой вплоть до атомарного уровня. Феодор Линен тоже был на этой конференции, и нас обоих весьма заинтриговал последний доклад на тему “Минимальный размер клеток”, с которым выступил Гарольд Моровиц из Йеля. Он посвятил свой доклад прежде всего мельчайшим свободноживущим клеткам, таким как микоплазмы, геномы которых, по-видимому, содержали меньше миллиона пар азотистых оснований.

После конференции я уехал из центрального Лондона, чтобы навестить Эва и Лорну Митчисон на Риджуэй, неподалеку от лаборатории Медицинского исследовательского совета в Милл-Хилл. В гостях у них было несколько друзей семьи, из которых моложе всех была Сьюзи Ридер, отличавшаяся умом и классической красотой. Сьюзи вскоре должна была окончить Университет Сассекса, после чего собиралась пойти в аспирантуру по криминологии в Кембридж. На следующий вечер мы с ней поужинали в ресторане Rules совсем рядом с Ковент-Гарден. Оттуда было всего несколько минут ходьбы

до театра Aldwych, где мы посмотрели “Возвращение домой” Гарольда Пинтера с Иэном Холмом и Вивьен Мерчант, бывшей тогда женой Пинтера. После этого я проводил Сьюзи через мост Ватерлоо на поезд, на котором она поехала к своей матери в Патни.

Через месяц Сьюзи должна была поехать в Штаты, чтобы провести месячные каникулы в окрестностях Денвера, где она собиралась навестить своего молодого человека, тоже британца. Она, как мне показалось, охотно согласилась заехать в Колд-Спринг-Харбор, где в середине июля я собирался остановиться у директора лаборатории Джона Кэрнса. В итоге Сьюзи приехала всего на один день, что позволило мне полюбоваться ее фигурой в купальнике во время плавания на плоту в окрестностях лабораторного пляжа. Постоянное присутствие немецкой овчарки Джона Кэрнса, которая чуть не укусила меня за ногу, обеспечило не самые приятные воспоминания об этом дне. В начале сентября, по дороге обратно в Англию, Сьюзи заехала в Бостон на достаточно долгий срок, чтобы пойти со мной на ужин в ресторан Union Oyster House, после того как я горестно отметил, что картины и рисунки на стенах моей квартиры не были ей интересны.

За две недели до этого издательство *Benjamin* устроило в Вудс-Хоул празднование в честь выхода первых экземпляров “Молекулярной биологии гена”. Многие из коллег пришли на это мероприятие, пришел и мой папа, с которым Нил Паттерсон любезно проговорил большую часть вечера. Я приехал в тот день раньше других вместе с симпатичной студенткой последнего курса Рэдклиффа Джоши Пэшлер, у которой тоже был повод для празднования: недавно она открыла своего первого мутантного РНК-содержащего фага R17. В течение лета я давал Джоши читать новые законченные мной главы “Честного Джима” в надежде на то, что каждая из них будет вызывать у нее желание прочитать следующую. Как и у моих предыдущих умных и симпатичных лаборанток, у Джоши в Гарварде был постоянный молодой человек, хотя я и отметил,

к некоторому для себя утешению, что она была намного сообразительнее, чем он.

На празднике издательства *Benjamin* был и Кит Робертс, вернувшийся на большую часть лета. Первые его месяцы в Кембридже оказались не тем, чего он ждал. Для начала, его давняя подруга из Нориджа Дженни сошлась с “более зрелым и более красивым мужчиной”. А его жилье в Кембридже было дешевым, но жалким — одна маленькая комнатка без традиционного камина. Кроме того, он находил жизнь колледжа скучной: в 23:30 все закрывалось, а на ужин в колледже св. Иоанна требовалось являться в мантии пять раз в неделю. Чтобы хоть как-то развлечься, он вступил в Художественное общество, Ассоциацию гуманистов и Марксистское общество. Он также имел удовольствие прослушать лекцию Фрэнсиса для Ассоциации гуманистов на тему “Правда ли, что витализм мертв?”, прочитанную с силой убеждения, которая пришлось не по вкусу тем, кто не разделяет взгляда, что религия — это ошибка. Но потом жизнь Кита наладилась, потому что Дженни еще до конца учебного года вернулась к нему и теперь была вместе с ним на этом праздновании в Вудс-Хоул. Если бы не иллюстрации Кита, моя книга не разошлась бы тиражом в двадцать тысяч экземпляров за первый год после публикации и еще больше за второй. Благодаря этому мой авторский гонорар вскоре сравнялся с моей гарвардской зарплатой.

Следующий учебный год я планировал провести в оплачиваемом годичном отпуске в лаборатории Альфреда Тиссьера в Женеве, получая вместо половины своей гарвардской зарплаты гуггенхаймовскую стипендию. Однако когда настало время уезжать, я осознал, что первую половину отпуска лучше провести в Кембридже, чтобы дописать “Честного Джима”. Там у меня была бы возможность извлечь из памяти Фрэнсиса какие-нибудь подробности ключевых эпизодов наших приключений. Прежде чем лететь через Атлантику, я послал свою полузаконченную рукопись Дороти де Сантильяна с просьбой показать ее также коллегам Дороти по Houghton

Mufflin. Прошло несколько недель, и я получил ответ главного редактора, Пола Брукса, за обедом в его бостонском клубе. По его мнению, язык был слишком резким и, скорее всего, должен был привести к обвинениям в клевете. Но поскольку Брукс не был экспертом в таких делах, он устроил для меня визит в Hale and Doer, престижную фирму в центре Бостона, куда издательство направило написанные мной главы. Через несколько дней я вновь пересек реку Чарльз, чтобы ознакомиться с несколькими страницами комментариев, подготовленными бостонцем голубых кровей по имени Конрад Диденхофер, который разъяснял, какие проблемы должны вызывать те или иные написанные мною слова. Я вернулся в Гарвард, подозревая, что стратегия ухода от риска издательства Houghton Mufflin не позволит им совершить более смелый шаг, чем выпуск новых изданий определителей птиц Роджера Тори Питерсона.

В Кембридже Сидни Бреннер нашел для меня жилье в Королевском колледже, с окнами на большую зеленую лужайку перед Колледжем Клэр. Закончив главу, я относил ее в Лабораторию молекулярной биологии, чтобы ее напечатала юная секретарша Фрэнсиса. Временами мне казалось, что Фрэнсиса раздражает, что я записываю эту историю один, а не вместе с ним. Но бывало и так, что он без труда вспоминал ключевые события, которые уже стерлись из моей памяти. Я показывал то, что у меня получалось, Сьюзи Ридер, чьи аспирантские занятия по криминологии проходили в основном в здании XIX века на Уэст-роуд, неподалеку от того места, где во время моего первого приезда Кембридж жили Лоуренс и Элис Брэгг. Несколько раз Сьюзи ездила со мной по вечерам в рестораны за пределами Кембриджа на взятом напрокат седане MG, на котором я также ездил в Лабораторию молекулярной биологии и обратно.

В мои последние десять дней в Кембридже неподалеку от меня в Королевском кембриджском отеле на Скруп-террас остановился мой отец, приехавший из центральной Франции,

где он до этого отдыхал. Перед самым Рождеством он улетел обратно в Америку, к моей сестре в Вашингтон. Я тем временем уехал в Шотландию, чтобы погостить в большом доме Дика и Наоми Митчисон в Каррадейле. К тому времени я почти закончил “Честного Джима” — мне оставалось только две главы. В кабинете Наоми, под одной из принадлежавших ей картин Уиндхема Льюиса, я написал предпоследнюю главу. После празднования Нового года я полетел обратно в Гарвард, где мне понадобился всего один день на написание заключительной главы. Последнее предложение — “Мне было двадцать пять лет — слишком много, чтобы быть оригинальным” — пришло мне в голову уже давно.

На следующий день в профессорском клубе я встретил Эрнста Майра и сказал ему, что только что закончил свои воспоминания об открытии двойной спирали. Эрнст был тогда представителем университета в издательстве Гарварда и быстро позвонил Тому Уилсону, директору издательства, чтобы сообщить ему о моей рукописи. На следующее утро Том пришел ко мне в кабинет и забрал рукопись, чтобы прочитать ее к завтрашнему дню, зная, что я скоро возвращаюсь в Лондон. На следующее утро он позвонил мне и взволнованно сообщил, что хочет, чтобы издательство опубликовало “Честного Джима”, и что с моего разрешения он пошлет копии рецензентам из числа сотрудников Гарварда, которые помогали решать, какие книги издательству следует печатать.

Приехав в Лондон, я немедленно позвонил моему старому другу Питеру Полингу, чтобы предложить ему устроить праздничный обед вместе с высокоинтеллектуальной Луизой Джонсон, всегда носившей замшевые жакеты. Она, как и Питер, работала над диссертацией доктора философии в Королевской ассоциации, президентом которой был тогда сэр Лоуренс Брэгг. Месяцем раньше я познакомился с Луизой на конференции по биофизике в Колледже королевы Елизаветы и узнал, что она работает над структурой лизоцима вместе с Дэвидом Филлипсом. Питеру удалось, на радость мне, в по-

следний момент предложить Луизе и столь же юному кристаллографу Тони Норту присоединиться к нам в ресторане Wheeler's на Дувр-стрит. Показав им мою рукопись, я сообщил, что, задумав эту книгу как подобие романа, в ее первых главах я изобразил сэра Лоуренса не особенно лестным образом. Я признался, что пребываю в сомнениях, показывать ли ее сэру Лоуренсу, несмотря даже на то, что больше года назад он сам предложил мне описать мою роль в открытии двойной спирали. В то время его беспокоило, что Фрэнсису достается слишком много лавров за наш совместный научный прорыв. Нас всех поставила в тупик проблема, как сделать так, чтобы он прочитал рукопись и не пришел в ярость. Но Тони в ходе нашего мозгового штурма пришла в голову светлая мысль. Почему бы не попросить сэра Лоуренса написать к моей книге предисловие? Это был бы выигрышный ход и для него, и для меня.

Я смог обратиться к сэру Лоуренсу с этой просьбой только в марте, когда я вернулся из своей шестинедельной поездки по Восточной Африке, спонсированной Фондом Форда. Эту поездку в последний момент организовал для меня Чарли Визански, который, будучи членом правления, недавно уже побывал в Восточной Африке по делам фонда. Восточноафриканское управление фонда находилось в Найроби, куда я полетел на самолете VC10 корпорации British Overseas Airways, первым классом, как летали ведущие сотрудники Фонда Форда. Женщина, сидевшая в соседнем кресле, попросила меня показать ей рукопись "Честного Джима", которая лежала рядом со мной. Она прочитала ее за два часа и сказала мне, что не могла оторваться. После того как я съездил на три дня в Уганду, чтобы прочитать три лекции в УниверситетеMakerere в Кампале, ко мне присоединился Фрэнк Саттон, бывший младший сотрудник Гарварда, и мы отправились с ним в поездку, чтобы посмотреть, как расходуются средства фонда, выделяемые на природоохранные цели. Первую остановку мы сделали в Национальном парке королевы Елизаветы на озере

Эдвард, над которым поднимаются за облака Лунные горы. Затем мы попали в окружение бегемотов и крокодилов, мимо которых старомодный пароходик, как в фильме “Африканская королева”, довез нас до подножья водопада Мерчисон, по которому каскадом стекает Белый Нил.

В профессорском клубе УниверситетаMakerере в то время остановился также выпускник Оксфорда писатель Видиадхар Сураджджспрасад Найпол, который за несколькими завтраками не проявил интереса к тому, что я тоже стал одним из авторов английской прозы. В окрестностях бассейна я встречал тоже неприветливую, хотя и совсем по-другому, миниатюрную девушку с красивой фигурой, дочь Дональда Соупера, известного английского священника-методиста. Кэролайн не выразила ни малейшего желания прочитать историю “Честного Джима” о кембриджской научной жизни. Она была там только затем, чтобы присматривать за детьми своей сестры, муж которой, физиолог из Кембриджа, читал тем временем лекции студентам Makerере. В Университете Makerере, по примеру Кембриджа, студенты и преподаватели приходили в обеденный зал в мантиях. Во время нескольких ужинов я, к своему неудовольствию, следовал этой традиции.

После окончания моих африканских лекций, которые привели меня также в Танзанию, Судан и Эфиопию, я сделал своей главной базой Женеву вплоть до мая, которым оканчивался мой годичный отпуск. Из Женевы я дважды летал в Лондон, в первый раз — чтобы передать сэру Лоуренсу свою рукопись и сообщить ему, что ее хочет опубликовать издательство Гарвардского университета. В мой второй визит поначалу я в волнении стоял у дверей его квартиры на верхнем этаже Королевской ассоциации. Но когда сэр Лоуренс вошел, то сразу меня успокоил, сказав, что если он напишет предисловие, то не сможет обвинить меня в клевете. Впоследствии я узнал, что его первоначальной реакцией на мою рукопись была, как я и опасался, глубокая ярость, но Элис, жена, смогла его успокоить. Я немедленно попросил Тома Уилсона офици-

ально сообщить Брэггу о планах издательства Гарварда на публикацию книги. В течение месяца Брэгг подготовил свое внятное, изящное предисловие, в котором говорилось, что я написал свою книгу с пипсовской откровенностью¹. Чувствуя, что ее уже можно публиковать, я послал рукопись Фрэнсису, попросив его прокомментировать, правильно ли я изложил все детали.

Я также вручил “Честного Джима” Дженет Стюарт, с которой дружил много лет, работавшей тогда редактором в издательстве Андре Дойча, чтобы узнать, не хочет ли ее издательство обсудить возможность публикации моей книги в Великобритании. Мы с Дженет впервые встретились в Кембридже, когда она училась в Гиртон-колледже. Теперь она была замужем за известным адвокатом Беном Уитейкером. Некоторое время она работала в издательской сфере в Нью-Йорке, а затем вернулась в Англию, где стала редактором у издателя Андре Дойча, родившегося в Венгрии. За ужином в гостях у Дженет и ее мужа на Честер-Роу я сообщил им новость о предисловии Брэгга. Через несколько дней я пришел в издательство Дойча на Грейт-Расселл-стрит, где Дженет представила меня своему начальнику и была явно обеспокоена, когда он предложил мне 250 фунтов аванса. Я учтиво ответил, что ему лучше адресовать свое предложение директору издательства Гарвардского университета Тому Уилсону. Впоследствии я попросил Тома найти для меня британского издателя, который понимал бы, что ученые не безразличны к деньгам.

Выбранный Томом издатель тоже оказался родом из Европы — это был проницательный толстяк Джордж Вайденфельд, который, как говорят, послужил прообразом главного героя романа Кингсли Эмиса “Один толстый англичанин”. Его издательство Weidenfeld & Nicolson прославилось недавно пуб-

1 Сэмюэл Пипс (1633–1703) — английский чиновник, автор дневника, опубликованного в XIX веке. Дневник Пипса не был предназначен для публикации и содержит много откровенных подробностей о его собственной жизни и о других людях. — *Примеч. перев.*

ликацией “Лолиты”, которая стоила Найджелу Николсону места в палате общин (хотя, судя по всему, и не помешала Вайденфельду стать в 1976 году пожизненным пэром). Том вскоре послал рукопись “Честного Джима” Джорджу, так что у него было достаточно времени прочитать ее к середине июля, когда я заехал в Лондон по дороге на конференцию, проходившую в Греции. Издательство *Weidenfeld & Nicolson* располагалось тогда на Бонд-стрит, сам же Джордж жил в квартире на Итон-сквер, высокие потолки которой идеально подходили для выставления принадлежавших ему больших полотен, в число которых вскоре вошла и одна работа Фрэнсиса Бэкона. Не трата лишних слов, Джордж предложил мне 10 000 долларов аванса, половина которого подлежала выплате сразу после подписания контракта, а другая — после публикации книги. Я немедленно согласился и попросил его послать этот контракт Тому Уилсону, чтобы убедиться, что его условия совместимы с условиями того контракта, который я собирался подписать с издательством Гарварда.

К тому времени Фрэнсис сообщил мне, что ему не нравится название “Честный Джим”, которое, на его взгляд, подразумевает, что я один рассказываю святую правду. Его ничуть не убеждало, что едва ли кто-то предположил бы нечто подобное, покупая подержанную машину “Честного Фрэнсиса” или даже у “Честного Иисуса”. Поэтому я изменил название на “Пары оснований”, вполне сознавая, что эта игра слов¹ сама по себе может стать поводом для иска по делу о клевете, если изобразить на обложке нас с Фрэнсисом и Мориса с Розалиндой, смотрящих друг на друга, как герои фильма “Добрые сердца и короны”. Хотя Том Уилсон хотел, чтобы я использовал свой третий вариант, “Двойная спираль”, он согласился оставить название “Пары оснований” на титульном листе лишь умеренно отредактированного варианта ру-

1 “Base Pairs” (“Пары оснований”) может означать также “Недостойные пары” и т. п. (в связи с многозначностью слова “base”). — *Примеч. перев.*

кописи, отправленного Фрэнсису, Морису, Джону Кендру и Питеру Полингу вместе с бланками заявлений о том, что они не против публикации моей рукописи издательством Гарвардского университета.

Мы должны были понимать, что ни Фрэнсис, ни Морис не видят ни малейшего смысла разрешать публикацию, которая покажется им не только бесполезной для читателей, но и вредной для их репутации. Их ответ вскоре пришел через весьма влиятельного поверенного, изложившего в письме президенту Пьюзи позицию своих клиентов: моя рукопись содержала клевету на них. Нанятый ими адвокат был тем же, к чьим услугам безуспешно прибегла Жаклин Кеннеди, пытаюсь предотвратить публикацию книги Уильяма Манчестера “Смерть президента”, посвященной убийству ее мужа. Мы с Томом Уилсоном заметили, что нью-йоркский наймит позаботился о том, чтобы не утверждать, что он сам считает, что моя книга содержит клевету. Тем не менее мы опасались, что президент Пьюзи почувствует, что его вовлекли во что-то неподобающее, и Том в одностороннем порядке решил, что издательство продолжит работу над публикацией только с санкции президента Гарварда.

Я должен был также понимать, что Питер Полинг сочтет своим сыновним долгом отправить мою рукопись Лайнусу. Прочитав ее, Лайнус тут же послал Тому Уилсону гневное письмо, в котором назвал “Пары оснований” “постыдным образчиком недоброжелательности и эгоцентризма”. Он потребовал, чтобы я удалил строки “Лайнус напортачил с химией” и “Лайнус выставил себя ослом”. Про эти фразы я и так знал, что чувство вкуса требует их убрать, до того как рукопись пойдет в печать. Но поскольку все это была правда, мне очень не хотелось удалять их без крайней необходимости. Точно так же мне никак нельзя было рассылать рукопись, в которой говорилось, что Фрэнсис не стал сотрудником ни одного колледжа, потому что его считали склонным воровать чужие идеи. Этим я хотел объяснить, почему Фрэнсиса так и не

взяли на работу в Королевский колледж — вопреки интересам колледжа и несмотря на то, что его блестящие способности ни у кого не вызывали сомнений.

Том Уилсон уже поручил редактору Джойс Лейбовиц поработать вместе со мной над рукописью, чтобы та вызывала меньше возражений у главных действующих лиц моей повести, но без ущерба для замысла рассказать как все было на самом деле. Джойс разумно заметила, что моя повесть выиграет от эпилога, в котором будет сказано, что мои описания Розалинды Франклин не отдают должного ее научным достижениям, сделанным в Королевском колледже. Мне помогала также способная студентка последнего курса колледжа Либби Олдрич, которая специализировалась на литературе и, как и Доли Гартер, прошла естественнонаучный курс биологии Джорджа Уолда. Либби в то время писала дипломную работу о Сильвии Плат, которую я запомнил стремительно бегущей вдоль улицы Кингс-Парейд в Кембридже в середине пятидесятых.

Вскоре после получения рукописи “Пар оснований” Джон Кендрю отвез ее Джону Десмонду Берналу, который написал ему так: “Я не мог от нее оторваться... Если считать ее романом из истории науки, такой, как ее следует описывать, она несравненна. Она так же увлекательна, как “Мартин Эрроусмит”¹. В то же время он настаивал на том, что я был несправедлив к вкладу Розалинды Франклин, и отмечал, что я даже не упомянул исследований Свена Фурберга, тоже работавшего в его лаборатории, но комментировал это следующим образом: “Уотсон и Крик проделали великолепную работу, но по ходу этой работы поневоле допускали огромные ошибки, которые они вовремя умели исправить. Все это демонстрирует постыдную глупость великих научных открытий. Моим вердиктом могли бы послужить слова Хилэра Беллока:

1 Роман Синклера Льюиса “Эрроусмит” (1925), получивший Пулитцеровскую премию. Главный герой книги Мартин Эрроусмит — ученый. — *Прим. ред.*

А это правда? Нет, друзья.
 Нам правды рассказать нельзя¹”.

Меня вдохновило письмо, полученное от иммунолога Джорджа Клейна, родившегося в Венгрии и работавшего тогда в Каролинском институте. Когда он приехал в конце осени в Гарвардскую школу медицины, мой отец приготовил воскресный обед для нас троих у себя на Эппиан-Уэй 101/2. Уходя, Джордж взял с собой экземпляр “Пар оснований”, чтобы почитать в самолете по дороге в Стокгольм. Из Швеции он прислал мне письмо, в котором говорил, что моя книга — “непревзойденное описание восторгов, разочарований, величия и мелочности творческих исследователей... Враждебной реакции большинства ученых следовало ожидать. Не стоит пытаться смягчить твою книгу, пусть ее печатают как есть или вообще не печатают”.

Три зимних месяца я постепенно вносил небольшие изменения, чтобы исправить ошибки, касающиеся фактов и мотивов, в особенности в свете комментариев Фрэнсиса и сэра Лоуренса Брэгга. Снова остановившись на названии “Честный Джим”, я беспокоился, что возражения Фрэнсиса и Морриса приведут к тому, что сэр Лоуренс откажется публиковать свое предисловие, и написал ему, что отнесусь с пониманием, если он сочтет нужным так поступить. Он ответил 19 апреля, что ему будет очень жаль, если до этого дойдет, но он также желает категорически заявить, что его участие возможно только при условии, что я внесу определенные изменения, в особенности исправлю неверное утверждение, что Перуц и Кендрю пригрозили ему уходом из Кавендишской лаборатории, если он уволит Крика. В заключение он “желал этой книге всяческих успехов”. В то же время Джон Мэддокс, главный редактор Nature, не усмотрел в новейшем варианте “Честного

1 Первые строки вводного стихотворения из сборника Хилэра Беллока (1870–1953) “Предостерегающие рассказы для детей” (1907) — ответ читателю на вопрос, правдивы ли эти рассказы. — *Примеч. перев.*

Джима” ничего клеветнического. Более того, он находил мою книгу далеко не такой сомнительной, какой ему ее расписали: “Иными словами, я хотел бы увидеть ее опубликованной”. Но когда это случится, говорил он, “вам придется забаррикадироваться месяцев так на шесть”.

И Морис, и Фрэнсис продолжали выступать против “Честного Джима” всеми возможными способами. В одном письме Морис напомнил мне, что я написал ему, когда посылал первый вариант: “Ты можешь решить, что у тебя есть основания меня пристрелить”. Теперь же Морис беспокоился, что это я из-за его письма захочу его пристрелить. В этом письме он предлагал мне вообще отказаться от публикации моей книги целиком, а вместо этого договориться о том, чтобы научные фрагменты из нее были включены в готовящуюся книгу историка Роберта Олби, посвященную двойной спирали. Ожидалось также, что в эту книгу войдут расшифровки магнитофонных записей его самого, Фрэнсиса, Эрвина Чаргаффа и Лайнуса Полинга.

Письмо Фрэнсиса от 13 апреля, занимавшее пять страниц, начиналось со слов, что новая версия немного лучше, но главные возражения остаются прежними: “твоя книга нехороша в историческом плане”, “ты не документируешь своих утверждений (соответствующими ссылками)... представляя историю науки в виде сплетен”, “твой взгляд на историю науки можно найти в самых низкопробных женских журналах”, “если же считать ее автобиографией, то она вводит в заблуждение и безвкусна”, “тот факт, что человек всем известен, еще не дает его друзьям права пренебрегать неприкосновенностью его частной жизни, пока он жив”, “единственным исключением должны быть частные дела, непосредственно касающиеся общественности, как в случае с миссис Симпсон и королем Эдуардом”, “твоя книга — вульгарная популяризация, которой нет оправдания”. На предпоследней странице Фрэнсис поднимал ставки. Он утверждал, что психиатр, которому он дал мою рукопись, сказал: “Эта книга могла быть написана только

человеком, ненавидящим женщин”. Еще один психиатр заключил, что я слишком сильно люблю свою сестру — “факт, который много обсуждали твои друзья, когда ты работал в Кембридже, но от того, чтобы писать об этом, до сих пор воздерживались”. На последней странице Фрэнсис сообщал, что посылает копии своего письма в числе прочих Брэггу, Полингу и Пьюзи.

Через месяц Натан Пьюзи сообщил издательству Гарвардского университета, что публиковать мою книгу нельзя на том основании, что “Гарвард не хочет оказаться вовлеченным в ссоры между учеными”. Соображения, связанные с обвинениями в клевете, были, скорее всего, ни при чем, но никаких оснований для подобных обвинений в любом случае установлено не было. За несколько месяцев до того, на вечеринке, где среди гостей преобладали студенты Гарвардской школы права, один недавний выпускник школы права сказал мне, что читал мою рукопись по заданию бостонской конторы *Ropes & Gray*, консультировавшей Гарвард, но объяснил, что раньше не имел опыта с делами, связанными с обвинениями в клевете. Когда я узнал, что издательство Гарвардского университета выходит из игры, Джойс Лейбовиц предложила мне нанять в качестве личного консультанта нью-йоркского юриста Эфраима Лондона. Всеми уважаемый правовед, Эф успешно представлял несколько дел о свободе слова в Верховном суде США. Высокий и худощавый Эф был связан с издательскими делами уже несколько десятилетий и был некогда юрисконсультom издательского дома *Simon & Schuster*. Прочитав мою рукопись, он сказал, что она не содержит никакой клеветы.

Я уже нашел себе нового издателя — издательство *Atheneum*, которое основали недавно Пэт Кнопф, сын известного издателя Альфреда Кнопфа, и Саймон Майкл Бесси. Я выбрал это издательство, чтобы продолжить работу с Томом Уилсоном, который увольнялся с должности директора издательства Гарвардского университета, чтобы перейти в *Atheneum*.

Уход Тома из Гарварда был никак не связан с запретом Пьюзи на публикацию моей книги. Это решение было принято заранее в связи с приближением возраста, в котором сотрудникам гарвардского издательства требовалось уходить на пенсию. Дети Тома еще не были взрослыми, и ему нужна была хорошо оплачиваемая работа на обозримое будущее. По иронии судьбы, только из-за того, что гарвардское издательство не стало публиковать мою книгу, я мог по-прежнему радоваться тому, что на моей стороне есть такой надежный человек, как Том. Лоуренс Брэгг, уверенный в порядочности Тома, разрешил оставить свое предисловие. Издательство Atheneum, опасаясь обвинений в клевете или даже ходатайства о запрете на публикацию “Честного Джима”, наняло нью-йоркского адвоката Алана Шварца, к помощи которого прибегал Уильям Манчестер для защиты от обвинений в клевете со стороны Жаклин Кеннеди.

Я встречался с ним и с Томом Уилсоном уже несколько раз, когда в дело вмешался Эф Лондон, сказавший Шварцу, что предлагаемые им изменения излишни, поскольку “Честный Джим” не содержит ни клеветы, ни недозволенного посягательства на частную жизнь. Прими я многие из предложений Шварца, откровенность, к которой я стремился, была бы неполной. Допустимый, по его мнению, вариант первого предложения — “Я не припомню, чтобы видел, как Фрэнсис Крик держался скромно” — мог быть написан только робким юристом. В нескольких случаях он предлагал безвредные замены, такие как “нередко” вместо “обычно”. На них я согласился. Поскольку в вопросе о названии Том Уилсон был целиком на стороне Шварца, я согласился также с его пожеланием, чтобы название было “Двойная спираль”.

Ситуация была в меньшей степени под контролем по другую сторону Атлантики, где юрисконсульт Вайденфельда, Колин Мейди, по-прежнему настаивал на том, что моя книга порочит Фрэнсиса и что, учитывая его репутацию человека не особенно уравновешенного, нам не стоит ожидать от него

здоровой реакции, которая бы не повредила его собственным интересам. К концу сентября Мейди резко изменил свое мнение и сказал Вайденфельду, что можно вернуться к работе над публикацией. Это произошло после того, как он показал рукопись одному близкому другу, который много лет знал Фрэнсиса и сказал, что набросанный портрет был “прямо в точку”. После этого главный редактор Вайденфельда, Николас Томпсон, перечитал рукопись и написал мне, что мое “изображение Фрэнсиса таково, что протестовать против него может только гиперчувствительный или очень неразумный человек. Вы в самом деле указываете на его недостатки, но намного больше внимания уделяете его огромным способностям и симпатичным качествам”.

Теперь можно было перейти к подписанию окончательных контрактов, и Том Уилсон смущенно сообщил мне сумму предложенного Саймоном Майклом Бесси аванса, сравнимого с тем, что мне предлагал Андре Дойч. Я не видел смысла спрашивать Бесси, почему он принимает меня за дурака, и дал Эфу договориться о более приемлемой сумме. После этого Бесси попытался отказаться от своего обещания, что по условиям контракта Atheneum покроет половину любых расходов на успешную защиту от обвинений в клевете. В связи с этим я написал ему, что все компромиссы уже оговорены в контракте, и точка. В противном случае я готов был найти другого издателя, несмотря на мои отношения с Томом. Я назвал Бесси крайний срок, до которого он должен был уступить, и он уступил. Мне было жаль Тома, поскольку пришлось работать у этого перехваленного издателя, которого близко нельзя было поставить с Джорджем Вайденфельдом.

Лучшую сторону издательства Atheneum представлял Гарри Форд, заслугой которого был выбор гарнитуры и дизайн эффектной красной суперобложки. Разобравшись с первыми лекциями осеннего семестра в Гарварде, я подобрал и послал ему подходящие фотографии и предварительные наброски диаграмм азотистых оснований, углеводно-фосфат-

ного скелета и так далее. Я уже не мог обратиться за помощью к Либби Олдрич, которая уехала в Оксфорд, чтобы изучать английский в колледже Леди Маргарет Холл и убежать от своих чувств к бывшему редактору журнала *Advocate* Стюарту Эрроусмиту Дэвису. Она написала мне письмо на голубой бумаге в манере Сильвии Плат, в котором описывала себя как замерзшую, бледную и голодную, но достаточно акклиматизировавшуюся для того, чтобы бросать шиллинги в различные отопительные устройства и посещать общественные бани (еще шиллинг) вместе с остальными живущими по соседству женщинами из Индии и с Кипра. Сам колледж Леди Маргарет Холл, по ее словам, был отчасти женским монастырем, отчасти тюрьмой и очень во многом — небольшой автономной частной школой для девушек, через которую прошли бесчисленные сморщенные пожилые леди, две из которых были ее преподавателями: старая и злобная по древнеанглийскому и старая и по-детски грустная по литературе. Портреты Мика Джаггера и Боба Дилана висели для поднятия настроения на стенах двух ее комнат под крышей над этажами, занятыми лендлордом, кротким ирландцем, и его женой-мегерой. Посмотрев фильм “Привилегия”, Либби написала, что укоротила свои юбки и решила развивать в себе личное обаяние.

Том Уилсон мог теперь связаться с журналом *New Yorker* и предложить для публикации “Двойную спираль” по частям, как они опубликовали книгу Трумэна Капоте “Хладнокровное убийство”. Но они нам отказали, как и журнал *Life*, редакция которого сообщила, что в 1963 году они уже посвятили ДНК большую иллюстрированную статью. Позитивнее был ответ журнала *Atlantic Monthly*, опубликовавшего “Двойную спираль” полностью в номерах за январь и февраль 1968 года. К тому времени Фрэнсис и Морис отказались от идеи каких-либо судебных преследований. Фрэнсис чувствовал себя победителем в связи с тем, что книгу не напечатали в Гарварде. Теперь ни у кого не будет оснований думать, что “Двойная спираль” — научная книга. В начале февраля Эф

прислал мне счет на 700 долларов за его услуги, оказанные с июня по 6 октября 1967 года, а именно:

- 1) его суждение о содержании в книге клеветы,
- 2) отмена предложенных издательством изменений, которые он считал излишними,
- 3) переговоры с юристами издательства касательно требований поверенного д-ра Крика изучить рукописи, письма и прочее.

В конце счета с меня взыскивалось 8 долларов 86 центов за междугородние телефонные разговоры и 5 долларов 75 центов за услуги курьера.

В нью-йоркском клубе Century Association 14 февраля 1968 года был устроен праздничный обед для рецензентов и научных редакторов. На этом обеде мне пришлось любезничать с Майклом Бесси, но, к счастью, в моем распоряжении была Либби Олдрич, которой я мог адресовать за его спиной свои язвительные замечания. Перед самым рождеством Оксфорд выпал из ее жизни, и в течение шести недель она готовилась стать миссис Стюарт Эрроусмит Дэвис. Свадьба должна была состояться в Бронксвилле в субботу перед моим празднованием. Однако перед самым бракосочетанием у жениха произошел нервный срыв, и свадьбу пришлось отложить на неопределенный срок. К концу обеда Либби куда-то пропала, и в конечном итоге я нашел ее в дамском туалете без чувств от слишком большого количества напитков, которые она выпила в начале обеда, чтобы утопить в них свое горе. Я довез ее на такси до отеля Plaza, где у меня был просторный номер с видом на парк, и Либби немедленно заснула в моей постели. К 19:00 она уже достаточно пришла в себя для ужина в La Cote Basque, после которого я проводил ее на Центральный вокзал, и она села на поезд до Нью-Хейвена, где Стюарт учился в магистратуре Йеля.

Вечером следующего дня я встретился с рекламным агентом издательства Atheneum в студии, где я должен был высту-

пать в телепередаче Мерва Гриффина. Мне показалось, что мой разговор с Гриффином закончился едва ли не раньше, чем начался, и из-за моих нервных телодвижений напарник Гриффина, “английский дворецкий” Артур Тричер (в честь которого назвали известную сеть рыбных ресторанчиков), осведомился, не надо ли мне в комнату для мальчиков. Через десять дней я снова приехал в Нью-Йорк, чтобы выступить вслед за Гарри Белафонте в передаче Today и отметить на праздничном обеде официальную дату публикации книги. В середине марта я снова приехал еще на один литературный обед в отеле Waldorf-Astoria. К тому времени появилось несколько положительных рецензий, самую важную из которых написал социолог из Колумбийского университета Роберт Мертон. Эта статья, озаглавленная “Научный способ добиться своего”, начиналась словами: “Это откровенный автопортрет молодого ученого в спешке”. Ричард Левонтин в своей колонке в *Chicago Sun-Times* сравнил “Двойную спираль” с книгой Франсуазы Жило “Моя жизнь с Пикассо” и назвал ее вульгарной диковинкой о второстепенных ученых. Вскоре я попал в список бестселлеров *New York Times*, где оставался шестнадцать недель, хотя никогда и не приближался к его началу. Журнал Time недели две хотел поместить мой портрет на обложку и прислал репортера, который ходил за мной по Гарварду, а затем слушал мою речь в Дартмуте. Я в нетерпении разыскал Time в тот день, когда должен был попасть на обложку, но вместо своей физиономии увидел на первой полосе лицо Даниэля Кон-Бендита. Студенческие баррикады в Париже стали важнее, чем ДНК.

Только в конце мая у Вайденфельда вышло британское издание “Двойной спирали”. Его издательство также подготовило сжатую версию для публикации в *Sunday Times*, но я поставил крест на этом проекте, сказав, что в нем теряется дух полного текста книги и что эта публикация будет только напрасно раздражать Фрэнсиса и Мориса. Еще хуже была вульгарная суперобложка, напечатанная без моего ведома за

месяц до выхода книги. Она должна была привлечь внимание и выставляла Фрэнсиса на посмешище, так как на ней были напечатаны вопросы: “1) У какого нобелевского лауреата голос такой громкий, что от него может звенеть в ушах? 2) Какой ведущий кембриджский ученый сплетничает за ужином о личной жизни студенток колледжа? 3) Какой выдающийся английский биолог вызвал скандал на костюмированной вечеринке тем, что оделся Бернардом Шоу и стал целовать всех девушек, скрывая свое истинное лицо за жидкой рыжей бородой?”. Возмущенный глупостью и грубостью моих издателей, я немедленно связался с Николасом Томпсоном и потребовал, чтобы эту оскорбительную суперобложку заменили. Они без споров уступили, и Джордж Вайденфельд лично заверил меня, что старые суперобложки уже уничтожают.

В ту неделю, что я провел в Англии, чтобы отметить официальную дату публикации, мне не стоило пытаться встретиться с Фрэнсисом и Морисом. Но провести время с Питером Полингом было, как всегда, приятно, и я смог передать английскую версию книги Наоми Митчисон, которой я посвятил “Двойную спираль”. Я также навестил Лоуренса и Элис Брэгг в их загородном доме недалеко от побережья Суффолка. Большинство рецензий в Англии были одобрительными. Критичнее всех был отзыв Конрада Хэла Уоддингтона, который находил у меня склонность к маниакальному эгоцентризму в духе Сальвадора Дали. К концу года в Соединенных Штатах было распродано около семидесяти тысяч книг, а в Великобритании — почти тридцать тысяч. Учитывая, что книга заслужила много похвал и была повсюду замечена, Том Уилсон считал, что мне обеспечена Национальная книжная премия 1969 года. Но ее получил Роберт Джей Лифтон из Йеля за книгу “Смерть при жизни. Пережившие Хиросиму”.

Хотя я и был разочарован, теперь мне незачем было слышать от других, что я написал книгу, которую стоит читать.

Усвоенные уроки

1. СТАРАЙТЕСЬ ПЕРВЫМ РАССКАЗАТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

Открытие двойной спирали в 1953 году само по себе еще не давало возможности написать новый серьезный учебник. В любом таком учебнике, выпущенном на следующий год, неизбежно преобладали бы факты, уже хорошо описанные и по-прежнему составлявшие бóльшую часть того, что было известно о природе жизни. Должно было пройти двенадцать лет, прежде чем можно было рассказать почти полную, новую историю о том, как генетическая информация, содержащаяся в молекулах ДНК, используется клетками при определении последовательности аминокислот в белках. Историю поисков структуры ДНК, напротив, можно было рассказать немедленно, хотя у меня и ушло почти десять лет на то, чтобы разобраться в том, как лучше взяться за этот рассказ. У многих нашлись возражения против моей версии и событий, но она завладела всеобщим воображением не в последнюю очередь оттого, что вышла первой.

2. РАЗУМНЫЙ РЕДАКТОР ВАЖНЕЕ БОЛЬШОГО АВАНСА

В тех случаях, когда вам не предлагают оскорбительно ничтожную сумму, выбирать издателя на основании размера аванса — все равно что выбирать строителя исключительно за самую низкую цену. Новаторская книга обычно требует больше времени для написания и может потребовать больше денег для издания, чем вы или ваш издатель предполагаете на момент подписания контракта. Если завершение вашей рукописи потребует намного больше времени, чем оговорено контрактом, лучше иметь на своей стороне опытного и понимающего редактора. К тому времени на вашего редактора, если

он не будет уже работать в другом месте, будут давить, чтобы он по возможности сократил расходы на издание книги. Число иллюстраций могут уменьшить, а их подготовку скинуть на самого дешевого из доступных художников. Вероятность всего этого не так велика, если издатель не оказался в глубоком минусе, заплатив вам деньги, которых вы еще не заработали. Если вам не переплачивают, у вас остается больше прав свободы вернуть аванс и найти другого издателя, а также больше возможности требовать, чтобы на вашей книге не сэкономили.

3. НАЙДИТЕ АГЕНТА, СОВЕТАМ КОТОРОГО ВЫ БУДЕТЕ СЛЕДОВАТЬ

Издательские контракты неизменно содержат пункты, понятные только юристам, работающим в издательском деле. Если вы не стремитесь стать признанным профессионалом в этой загадочной специальности (еще одной области, лучшие дни которой уже позади), дайте ознакомиться с проектом вашего контракта человеку, которому вы заплатите за то, чтобы ваши интересы не были нарушены. Ожидать, что ваш издатель, какой бы безупречной ни была его репутация, будет заботиться о ваших интересах как о своих, значит ожидать слишком многого. Заплатить 10–15% дохода авторитетному агенту куда выгоднее, чем пытаться что-то сэкономить, представляя себя самостоятельно.

4. НАЧИНАЙТЕ КАЖДУЮ ГЛАВУ С ЯРКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Когда по телевизору так много всего, лаконичное и яркое первое предложение важно как никогда, чтобы втянуть читателя в новую главу вашей книги. Пусть ваша аудитория знает, что ее ждет, если она продолжит вас слушать. В “Двойной спирали” я использовал такие вводные фразы, как “Я постепенно забы-

вал Мориса — но не ту рентгенограмму”. Столь же важны заключительные предложения, в которые я нередко подпускал немного иронии, как во фразе “Оставшееся от христианства было бесполезным” или в попытках афоризмов в духе Оскара Уайльда: “Вывод из моего первого знакомства с аристократией был ясен. Если я буду вести себя как все, меня больше не станут приглашать”.

5. НЕ ДЕЛАЙТЕ АВТОБИОГРАФИЮ СРЕДСТВОМ ОПРАВДАНИЯ СВОИХ ПОСТУПКОВ ИЛИ МОТИВОВ

Одна из главных целей написания автобиографии — не дать будущим биографам перевернуть основные факты вашей жизни. Если она была украшена множеством запоминающихся событий, уже из простого правдивого и непредвзятого их описания получится книга, которую стоит читать. Попытки оправдывать свои действия или извиняться за плохое поведение в давние времена отнесут ваше произведение к сомнительному жанру апологетики. Лучше рассказать обо всем откровенно, без тщеславия и стыда, и пусть другие хвалят или проклинают вас, что они в любом случае неизбежно будут делать.

6. ИЗБЕГАЙТЕ РАСПЛЫВЧАТЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Такие определения, как “очень”, “весьма”, “во многом” и “возможно”, не сообщают никакой полезной информации и только снижают воздействие слов, которые без них были бы намного ярче. Называя человека очень способным, мы сообщаем о нем не больше, чем просто называя его способным. Чтобы пойти дальше, нужно проявить изобретательность. Например, сравнивайте чьи-либо таланты (или глупость) со способностями кого-то известного или ранжируйте своего персонажа, например, сказав: “Он был самым способным во всей лаборатории”, — это что-нибудь да значит.

7. НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О СВОИХ ВООБРАЖАЕМЫХ ЧИТАТЕЛЯХ

Мне с самого начала хотелось, чтобы “Двойную спираль” читали за пределами научного мира. Поэтому я совместил в ней фрагменты, посвященные науке, с фрагментами о людях, о поступках и мотивах каждого из них. Сложные детали, не существенные для сюжета, я выбросил. И все равно оказалось, что у некоторых высокооплачиваемых юристов вызывали раздражение фрагменты, слишком сложные для неспециалиста. И я чувствовал, что в чем-то они правы.

8. ПЕРЕЧИТЫВАЙТЕ НАПИСАННОЕ ВСЛУХ

Чтобы “Двойная спираль” легко читалась, я прочитал вслух каждое ее предложение, стремясь убедиться, что оно звучит осмысленно. Длинные предложения, в которые сложно было вникнуть, я разбивал на более короткие. Иногда я объединял несколько коротких предложений в одно — когда короткие предложения идут одно за другим, бывает трудно понять значение событий, разворачивавшихся на протяжении нескольких дней. Рубленые фразы больше годятся для поваренных книг и лабораторных справочников.